

Я. А. ПОНОМАРЕВ

Методологическое введение В ПСИХОЛОГИЮ

Издательство «Наука»

ЯКОВ АЛЕКСАНДРОВИЧ ПОНОМАРЕВ

Методологическое введение
в психологию

Утверждено к печати

Институтом психологии АН СССР

Редакторы Л. А. Радзиховский, О. И. Цатуриян

Художник Н. Н. Якубовская

Художественный редактор Н. А. Фильчагина

Технический редактор А. М. Сатарова

Корректоры К. П. Лосева, Л. В. Лукичева

ИБ № 26782

Сдано в набор 15.08.83

Подписано к печати 21.10.83

Т-17764. Формат 60×90^{1/8}

Бумага для глубокой печати

Гарнитура литературная

Печать высокая

Усл. печ. л. 13. Уч.-изд. л. 14,3. Усл. кр. отт. 13,25

Тираж 5600 экз. Тип. зак. 4666

Цена 1 руб.

Издательство «Наука»

117864 ГСП-7, Москва, В-485

Профсоюзная ул., 90

2-я типография издательства «Наука»

121099, Москва, Г-99, Шубинский пер., 10

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ ПСИХОЛОГИИ

Я.А. ПОНОМАРЕВ

Методологическое введение В ПСИХОЛОГИЮ

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»

МОСКВА 1983

В монографии рассматривается эволюция представлений о природе психического и выдвигается понимание предмета психологии как одного из структурных уровней организации жизни.

В истории психологии автор выделяет закономерный ряд типов социальной стимуляции и соответствующих типов знаний. Противоречия между тем и другим рассматриваются как одна из движущих сил развития психологии. Раскрыта динамика данного противоречия на основе закона трансформации этапов развития системы в структурные уровни ее организации и концептуальной схемы взаимоотношения взаимодействия и развития, выражающей одно из направлений системно-структурного подхода.

Для философов, психологов.

Ответственный редактор
доктор психологических наук
Л. И. АНЦЫФЕРОВА

Принцип построения теории психологии

1. Теория психологии с точки зрения противоречия между типом социальной стимуляции психологии и типом накопленных психологией знаний

Современные методологические проблемы психологии настолько сложны и многообразны, что охватить их с достаточной полнотой и последовательностью в индивидуальном исследовании невозможно. Необходим ряд ограничений, определяющих отбор, объем и содержание взятых для анализа проблем. Основное ограничение, принятое в данной книге, состоит в том, что все отображенное в ней исследование проведено с позиции лишь одного из факторов, направляющих современное развитие психологии. Таким фактором является противоречие между типом социальной стимуляции психологии и типом накопленных психологией знаний.

В понятие «тип социальной стимуляции психологии» мы вкладываем прежде всего характер потребности общества, общественного производства в психологическом знании. Этот характер может, например, определяться постоянно возникающими в общении житейскими проблемами, обычной любознательностью, необходимостью ответов на мировоззренческие вопросы, сравнительно небольшим кругом простых, эпизодически возникающих практических задач по управлению поведением или же достаточно широкой системой аналогичных задач постоянно нарастающей сложности (причем решения такого рода задач становятся существенным условием общего социального прогресса).

Понятие «тип накопленных психологией знаний» составляют те особенности организации знаний, которые оказываются доминирующими на современном этапе развития науки.

Выражение «тип знания» нередко используется в психологической литературе. Например, говорят об описательном, эмпирическом и теоретическом знаниях. На интуитивном уровне понимания различия между этими типами в настоящее время достаточно ясны, хотя их логический анализ еще нельзя признать завершенным. Это следует уже из довольно простых обстоятельств. Например, тип описательного знания (во всяком случае современный) всегда «отягощен» какой-либо теорией. С позиции данной теории ведутся и описание, и интерпретация, объяснение описанного. Вместе с тем само по себе описание присутст-

вует в качестве необходимой составляющей в любом типе знания. Поэтому нельзя непосредственно и категорически противопоставлять описательное ни эмпирическому, ни теоретическому. В силу уже этих наиболее ясных причин термин «описательный» мы предпочитаем заменить «созерцательно-объяснительным». В равной мере трудно лишить элементов теории и эмпирическое знание. Основания его отличия от так называемого теоретического знания, по всей видимости, более сложны, чем это зачастую предполагается. Мы сохраняем наименование «эмпирический» для второго уровня простейшей иерархии типов знания, но третий уровень этой иерархии называем не «теоретическим», а «действенно-преобразующим». Эмпирическое знание занимает в таком случае место связующего звена между созерцательно-объяснительным и действенно-преобразующим типами знаний. Эмпирическое знание опирается на созерцательно-объяснительное, вырастает из него и подготавливает действенно-преобразующее, включается в него.

В принципе каждому типу социальной стимуляции отвечает соответствующий тип знания. Хорошо известно вместе с тем, что такое соответствие противоречиво. Смена типа социальной стимуляции, как правило, опережает в подавляющем большинстве случаев смену типа знания. Преобразования перечисленных типов социальной стимуляции и знания на ближайшем к нам витке спирали развития психологии можно представить в самом общем виде как диалектику единичного, особенного и всеобщего.

Например. На стадии единичного психология удовлетворяла главным образом житейские потребности общения, любознательности и поставляла материал по мировоззренческим проблемам. Здесь достаточно было созерцательно-объяснительных знаний. На стадии особенного только что перечисленные потребности, конечно, не исчезали, наоборот, они усложнялись, развивались. Но, несмотря на это, ведущая роль в социальной стимуляции переходила к решению практических задач. Действительно, в начале этого периода специфика общественной потребности выражалась сравнительно небольшим кругом эпизодически возникающих задач по повышению эффективности тех или иных процессов в отдельных, немногочисленных областях общественной практики (главным образом педагогической). Решить эти задачи на описательно-объяснительном уровне было нельзя, надо было активно вмешиваться в ход изучаемых событий средствами хотя бы простейшего эксперимента. Этому и отвечали эмпирические знания. Оба данных типа знания, недавнего прошлого психологии не способны удовлетворять современные запросы практики, и не только потому, что чрезвычайно усложнилась объяснительная функция психологии, но и потому, что современные запросы практики развились до системы практических задач постоянно нарастающей сложности: общественная потребность использования психологических знаний в промышленности, сельском хозяйстве, народном образовании, здравоохране-

нии, науке, культуре, государственном управлении и т. п. постоянно возрастает¹, она принимает форму всеобщего. Это и стимулирует психологию к развитию нового для нее типа знания — действительно-преобразующего. Иначе говоря, новый тип связи психологии с практикой требует нового типа психологических знаний.

Сдвиги в эффективности связи психологии с практикой предполагают столь же существенные сдвиги в области психологической теории. «...Все научные (правильные, серьезные, не вздорные) абстракции отражают природу глубже, вернее, полнее. От живого созерцания к абстрактному мышлению и от него к практике — таков диалектический путь познания истины, познания объективной реальности»². Каждое творческое достижение психологии в области практики неизбежно связано с углублением теоретических основ психологии.

Вместе с тем с каждым днем приобретает все больше сторонников положение о том, что полноценное удовлетворение запросов современной практики невозможно средствами какой-либо отдельно взятой науки; нарастает убеждение в необходимости комплексных исследований, опирающихся на взаимосвязи наук, вовлекающих в себя более или менее широкий спектр областей знания со строго определенными функциями.

Решения комплексных проблем непосредственно отвечают потребностям практики. В их основе должны лежать конкретные законы преобразования действительности. Нередко полагают, что значительной мерой конкретности обладают именно созерцание и эмпирия. Однако созерцание не схватывает сущности явлений, а эмпирия не выходит за пределы здравого смысла, устанавливает законы весьма поверхностно, приурочена к частным ситуациям, общие механизмы изучаемых явлений не вскрываются, а потому не выявляются их инварианты. Найти конкретные законы той степени глубины, точности, в которой нуждается современная практика, эмпирически невозможно. Необходимо углубленное изучение явлений, их предварительное расчленение не только на основе субъективных критериев, производных в большинстве случаев от частных практических задач (как это делается на эмпирическом этапе исследования), но и на основе объективных критериев (как это делается в действительно-преобразующем исследовании).

Изучая этот вопрос в своих предшествующих работах, мы выдвинули положение, согласно которому упомянутые объективные критерии совпадают с критериями выявления структурных уровней организации объективно реально функционирующих систем. Причем сами структурные уровни организации являются трансформированными этапами развития этих систем.

¹ См.: Ломов Б. Ф. О путях развития психологии. — *Вопр. психологии*, 1978, № 5, с. 31—43.

² Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 29, с. 152—153.

Разработка этого положения показала, что для построения конкретной модели (обладающей необходимой в наше время степенью адекватности оригиналу) объективно-реально функционирующей системы нужно предварительное выявление абстрактно-аналитических законов структурных уровней организации; конкретный закон, соответствующий истине, которая конкретна, в достаточно сложных случаях можно установить лишь путем синтеза абстрактно-аналитических законов. Все это невозможно без надежной методологии, т. е. теории, выступающей в функции средства исследования.

Таким образом, анализ методологических проблем на современном этапе развития психологии мы связываем со становлением в ней действенно-преобразующего типа знания.

Основная задача данной работы состоит в том, чтобы, опираясь на материалистическую диалектику, на принципы системного подхода, рассмотреть теоретико-методологические проблемы психологии действенно-преобразующего типа. Как дополнительное ограничение, определяющее отбор, объем и содержание взятых для анализа проблем, материалы, используемые в данной книге, представляют главным образом собственные исследования автора (ведущиеся с начала 50-х годов). Особенность этих исследований состоит в теснейшей связи экспериментальных и теоретических задач: с одной стороны, итоги каждой из экспериментальных работ всякий раз использовались в качестве материала для построения общей диалектико-материалистической теории психического; с другой стороны, эта теория всякий раз выступала в качестве методологии постановки дальнейших экспериментов, направленных на совершенствование теории (хотя «история» исследований, конечно, далеко не всегда совпадала с современной «логикой» теории).

2. Основные факты, полученные в экспериментах

Факты эти получены в двух обширных циклах проведенных автором экспериментальных исследований по изучению специфических для человека особенностей психологического механизма поведения.

Первый цикл составили опыты, проведенные преимущественно с детьми и направленные на изучение этапов развития одной из основных характеристик психологического механизма поведения человека — способности «действовать в уме»³.

³ См.: Пономарев Я. А. Знания, мышление и умственное развитие. М.: Просвещение, 1967. 264 с. В этой книге подробно изложен исходный материал экспериментов первого цикла опытов. Основная характеристика специфических особенностей психологического механизма поведения человека в данной работе была названа «внутренним планом действий». Это название нельзя признать удачным по ряду оснований. Во-первых, слово «план» весьма многозначно (способ рассмотрения, аспект, точка зрения; расположение в прор-

Второй цикл составили опыты, проведенные преимущественно со взрослыми и направленные на изучение хода решения творческих задач людьми, у которых упомянутая основная характеристика психологического механизма поведения достигла полного (или почти полного) развития⁴.

Этапы развития центрального звена психологического механизма поведения человека

При экспериментальном изучении упомянутых этапов развития предметом исследования были различные формы поведения испытуемых в ходе их взаимодействия с экспериментатором и вещами (оригиналами и моделями).

В итоге первого цикла было установлено несколько этапов исследуемого развития.

К **первому** этапу было отнесено то множество существующих форм взаимодействия, иерархия которых в целом охватывается общей характеристикой, указывающей на то, что взаимодействия на данном этапе возможны лишь во внешней области и невозможны во внутренней («в уме»).

Испытуемый, находящийся на данном этапе развития, не может подчинять свои действия заданию, которое дается ему в словесной форме; он способен манипулировать лишь вещами, непосредственно находящимися в зоне его восприятия, т. е. вещами-оригиналами (а не их субъектными, внутренними моделями, например, представлениями вещей). Манипулирование возможно лишь при непосредственном взаимодействии с вещью-оригиналом.

Экспериментатор не может придать целенаправленность манипуляциям испытуемых лишь путем словесного указания цели: цель должна быть показана визуально. Манипуляции могут быть направлены лишь на видоизменение соотношения оригиналов (а не их субъектных, внутренних моделей), путем подражания действиям экспериментатора и приспособления к особенностям вещей. Таковы же и побудители активности испытуемых: эти

транстве; сокращенное изложение; связь частей, последовательность их расположения, композиция; замысел, проект; чертеж, схема; сфера, область действий и т. п.). В упомянутой монографии слово «план» использовалось прежде всего в значении «область»; вместе с тем говорилось о том, что в этом же «плане-области» осуществляется планирование, понимаемое в смысле построения замысла, программы действий, что, бесспорно, затрудняло понимание текста. Во-вторых, слово «действие» далеко не во всех случаях адекватно выражало стоящее за ним содержание, которое точнее следует передавать словом «взаимодействие».

В последующих работах автора интерпретация представленных в книге «Знания, мышление и умственное развитие» экспериментальных данных была существенно изменена.

⁴ См.: Пономарев Я. А. Психология творческого мышления. М.: Изд-во АПН РСФСР, 1960. 352 с. В этой книге подробно изложен исходный материал экспериментов второго цикла опытов. В последующих работах автора в интерпретацию этих экспериментальных данных внесены существенные коррективы.

побудители не выходят за пределы потребностей, возникающих в непосредственном взаимодействии с оригиналами. Регулировать и контролировать свои действия испытуемый способен лишь при опоре на восприятие ситуации. Оценка испытуемым эффекта манипуляций всецело субъективна, эмоциональна. Эмоции — единственное, что выступает для него в роли обратной связи цели и результата.

На **втором** этапе задача, требующая того или иного преобразования отношений предметов, находящихся в зоне восприятия испытуемого, сформулированная экспериментатором только в словесной форме, может быть решена, но только путем манипуляций вещами-оригиналами.

Вместе с тем результаты успешных взаимодействий с вещами-оригиналами в ответ на словесно поставленный экспериментатором вопрос могут быть затем словесно выражены испытуемыми и даже без опоры на восприятие ситуации. Следовательно, в ответ на вопрос экспериментатора у испытуемого возникает представление о результатах предшествующих взаимодействий.

Таким образом, в область знаковых моделей переводятся продукты взаимодействий, что подготавливает возможность взаимодействий во внутренней области, т. е. взаимодействий не только с предметами-оригиналами, но и их субъектными моделями.

Однако процессы взаимодействий на данном этапе во внутренней области еще не представлены. Иначе говоря, способы действий — не осознаются. При попытках «действовать в уме» взаимодействие распадается. Однако уже доступными становятся те цели, которые стоят над предметными действиями. Например, испытуемому может быть поставлена цель репродуцировать в словесной форме полученный им результат взаимодействия. Соответственно расширяется и диапазон побудителей активности. Расширяются возможности регуляции взаимодействий: испытуемые в ответ на словесное указание экспериментатора способны воспроизводить сложившиеся во внешнем взаимодействии действия, т. е. связывать словесную модель ситуации с ее восприятием, решая задачи «под диктовку», хотя система действий здесь строится, конечно, экспериментатором — испытуемый выполняет лишь отдельные действия.

Слово выступает наподобие «сигнала сигналов»: оно «срабатывает» только тогда, когда у испытуемого уже имеется соответствующая программа, подготовленная в итоге внешних взаимодействий. Самостоятельное манипулирование вещами происходит без ясного замысла, без плана. Соотнесение частной и общей целей недоступно: выполнение частного действия превращается в самоцель. Общая задача при этом растворяется, выталкивается.

Эффект взаимодействий контролируется уже не только вещами-оригиналами, но и их представлениями. Оценка результата

взаимодействия в основном эмоциональна. Вместе с тем речевые указания уже начинают оказывать влияние на оценку. Они начинают оказывать влияние также на выбор цели, на регуляцию действий и контроль взаимодействий.

На **третьем** этапе аналогичные задачи могут быть решены манипулированием представлениями вещей. Но испытуемому еще не удастся жестко подчинять эти манипуляции словесно поставленной задаче.

В формировании внутренней области происходят существенные сдвиги: дифференцируется ее структура — расчленяются процессы и продукты взаимодействий. Способы действий осознаются. Это и приводит к дифференциации возможных целей на практические и теоретические (практическая цель направлена на преобразование ситуации, теоретическая — на выявление способа проделанного преобразования). Расчленяются цель и мотив. Слово приобретает новую функцию в регуляции взаимодействий: оно становится знаковым сигналом, который не только активизирует готовую программу, но может нести в себе зародыш собственной команды — самокоманды, программы действий. Иначе говоря, до этого испытуемый не мог передать в речевой форме свой способ действия кому-либо другому, его общение было жестко привязано к зоне восприятия ситуации; равным образом он не мог готовить зафиксированную в речи программу действий для самого себя; теперь такая возможность начинает формироваться. Следовательно, прежде программа действий, соответствующая речевому сигналу, была скрыта внутри в виде субъектного компонента внешней области взаимодействий, теперь намечается возможность ее вынесения вовне. Это резко повышает успешность построения системы действий, расчленения частной и общей целей и т. п.

На **четвертом** этапе способность подчинять манипулирование представлениями требованиям словесно поставленной экспериментатором задачи оказывается сформированной. При этом задачи решаются по принципу проб и ошибок. Следовательно, представление испытуемого о системе действий оказывается еще неадекватным фактическому взаимодействию. Вместе с тем при повторном обращении к задаче найденный путь уже может составить основу замысла, плана, программы повторных действий, каждое из которых теперь уже строго соотносится с требованиями задачи. Таким образом, повторно задача решается по плану, в основу которого кладется предшествующее решение практической задачи. План строится путем преобразования эффекта решения практической задачи в задачу теоретическую — испытуемый строит вынесенную вовне логическую самокоманду. Контроль и оценка взаимодействий становятся в основном логическими. Роль эмоций в том и другом ограничивается.

На **пятом** и **шестом** этапах наметившиеся тенденции достигают полного развития. Способность к самокоманде сформирована. Действия систематичны, построены по замыслу, программиро-

ваны, строго соотнесены с задачей. Контроль взаимодействий и оценка результатов становятся всецело логическими. Своеобразие этих этапов состоит в том, что построение программы решения предворяется анализом и синтезом собственной структуры задачи. Здесь преодолевается непосредственная привязанность к практическому решению. Программа строится не на основе «логики удовлетворения потребности», побуждающей к решению практической задачи, а на основе возможного непосредственного учета «логики самих вещей», что связано с включением во взаимодействие познавательной мотивации.

*Этапы развития центрального звена
психологического механизма поведения человека
в ситуациях решения нетворческих и творческих задач*

В случае, когда для решения задачи в опыте испытуемого имеются готовые логические программы, решение задачи протекает плавно, соответственно типам поведения пятого и шестого этапов и не сопровождается существенными сдвигами в эмоциональных показателях. Во взаимодействиях на данных уровнях доминирует функция человека — деятельность. Вещи, которые в сфере внутренних взаимодействий замещаются моделями, «оказывают мало сопротивления» — специфический эффект взаимодействия сводится к минимуму.

Аналогичное явление наблюдается и на начальных стадиях решения творческих задач, когда испытуемые с развитым психологическим механизмом поведения применяют готовые логические программы, создавая тем самым исходный неверный замысел (в ситуациях творческих задач субъективная логика не подтверждается практикой — человеку не хватает для решения наличных знаний). Неадекватность таких программ и превращает задачу в творческую. Решить ее теперь возможно лишь с помощью интуиции (т. е. действуя с объектами-оригиналами). Это очевидно: когда исчерпаны все наличные знания, но все же задача не решена, «подсказать» ее решение может только «объективная логика», в простейшем случае — сами вещи.

И действительно, в ситуации творческой задачи после краха исходных логических программ организация взаимодействия существенно изменяется: тип поведения уподобляется типам начальных этапов развития способности «действовать в уме». Во взаимодействии, которое направлялось вначале исходным логическим замыслом, но затем резко изменило свой тип, формируется новая, интуитивная модель ситуации. Эта модель и обеспечивает в удачных случаях достижение интуитивного решения.

Решающая роль в этих «удачных случаях» принадлежит так называемым побочным продуктам — тому специфическому вкладу в общий эффект взаимодействия (поведения), который вносит его вторая сторона (в условиях общения — партнер, в условиях предметного действия — вещь)⁵, расширяя общий резуль-

тат действия (функции человека в поведении) вне прямой зависимости от его цели. В обычных условиях человек не может непосредственно использовать побочные продукты в сознательной организации последующих действий. Однако при определенных условиях неосознаваемое отражение (побочный продукт) может принять участие в регуляции последующих действий. Здесь оно и выступает как часть неосознаваемого опыта.

Таким образом, было обнаружено, что неосознаваемый опыт иногда содержит в себе ключ к решению творческой задачи и проявляется в удачный момент в виде неожиданной «подсказки» (специфический эффект взаимодействия), ведущей к интуитивному решению. Формирование таких подсказок возможно лишь при опоре на объекты-оригиналы (включая в их состав и модели, выступающие в функции оригиналов). Возникновение побочных продуктов не осознается, их отражение контролируется исключительно объектами-оригиналами. Оценка эффекта использования побочного продукта эмоциональна.

В итоге интуитивного решения побочный продукт (теперь уже именно в форме интуитивно полученного решения) «проникает» в область внутреннего взаимодействия. Соответственно изменяется и тип поведения, он уподобляется типу второго этапа развития способности «действовать в уме». Подобные преобразования продолжают и дальше. В сферу внутреннего взаимодействия проникает способ, которым было получено интуитивное решение. В контроль и оценку включаются представления. Побочный продукт преобразуется в форму прямого. В дальнейшем контроль и оценка становятся все более логичными. Роль представлений и эмоций в том и другом ограничивается. Наконец наметившаяся тенденция полностью разворачивается. Контроль и оценка становятся всецело логичными. Пробы и ошибки исчезают. Решение опирается на анализ и синтез структуры задачи.

Сопоставление результатов двух циклов экспериментальных исследований показало⁵, что в условиях развитого состояния психологического механизма поведения этапы его развития не исчезают: вместе с переходом развития на новые этапы предше-

⁵ Побочный продукт и есть именно тот эффект, который отличает взаимодействие от суммы воздействий.

Для пояснения понятия «побочный продукт» воспользуемся простейшим примером. Лежащие на столе листья бумаги сдувает ветер. У работающего за столом возникает потребность прижать их. Используется первый попавшийся под руку предмет: книга, пепельница и т. п. Проведая в таких условиях нужное действие, человек нередко не может отдать себе отчет в том, каким именно предметом он воспользовался, какое точно место занял предмет на прижатом им листе бумаги. А это и составляет побочный продукт, т. е. то, что «внесло» в фактический результат задуманного действия взаимодействие. В словесном отчете вычлениются лишь некоторые свойства предмета (объем, масса), существенные с точки зрения цели данного действия. А это и составляет прямой продукт.

⁶ Пономарев Я. А. Психология творчества. М.: Наука, 1976. 303 с.

ствующие этапы преобразуются, но сохраняют свои отчетливые следы — этапы развития механизма трансформируются в структурные уровни его организации и выступают как функциональные ступени решения творческой задачи.

Эти положения составили основу представления о центральном звене психологического механизма поведения. По нашему мнению, указанное звено характеризуется единством логического (понимаемого как действия со знаковыми моделями, осуществляемые по логическим законам, здесь роль специфического эффекта взаимодействия побочного продукта предельно снижается) и интуитивного (понимаемого как взаимодействия с оригиналами, где роль побочного продукта предельно возрастает); организация этого единства включает в себя иерархию плавно переходящих один в другой структурных уровней — трансформированных этапов описанного выше развития; данные структурные уровни и превращаются в ситуациях творческих задач в функциональные ступени их решения.

Сформулированное положение было использовано в качестве основы изучения ряда теоретических и экспериментальных проблем: разработки общей теории взаимодействия и развития, природы творчества (понимаемого как механизм развития, как взаимодействие, ведущее к развитию), построения стратегии комплексного исследования творчества и определения места психологии в системе такого исследования⁷, экспериментально-психологического анализа группового творчества⁸ и др. Данные исследования создали необходимые условия для обобщения нашего исходного представления.

*Закон трансформации этапов развития системы
в структурные уровни ее организации
и функциональные ступени дальнейших развивающих
взаимодействий (ЭУС)*

Наметившееся в экспериментах представление о центральном звене психологического механизма поведения было обобщено и превращено в один из ведущих принципов взаимодействия и развития, который может быть сформулирован как закон трансформации этапов развития системы в структурные уровни ее организации и функциональные ступени дальнейших развивающих взаимодействий (сокращенно ЭУС — этапы-уровни-ступени).

В широких масштабах этот закон может быть использован в целях построения как гносеологической теории знания, так и онтологической картины мира.

⁷ Там же.

⁸ Пономарев Я. А. Роль непосредственного общения в решениях задач, требующих творческого подхода. — В кн.: Проблема общения в психологии. М.: Наука, 1981, с. 79—91.

В данной книге мы ставим перед собой ограниченную задачу — использовать этот закон применительно к группе исследуемых нами явлений, применительно к анализу ограниченно взятых систем, в частности живых, изучаемых в пределах компетенции психологической науки. Такой подход, по нашему мнению, имеет важное значение для дальнейшего совершенствования диалектико-материалистической теории психологии. Он способствует уточнению представления о типах психологического знания, о предмете психологии, о системе психологических наук, связи психологии со смежными дисциплинами, путей включения психологии в систему наук, исследующих всеобщую взаимосвязь и взаимозависимость явлений на стадии живого.

В этом направлении для психологии весьма важны знания принципов и законов, общих для данной группы явлений (для данной конкретной системы). Эти знания необходимы для выявления частных законов, специфических для того или иного структурного уровня организации явления (уровня организации данной конкретной системы), и частных законов, определяющих специфические связи между данными структурными уровнями.

Основные элементы схемы отношения взаимодействия и развития

Категории, принципы и законы, общие для группы исследуемых нами явлений и полученные путем обобщения материалов экспериментальных исследований с позиции диалектического материализма, изложены автором в ряде работ⁹ в форме концептуальной схемы отношения взаимодействия и развития.

Основные категории этой схемы: система и компонент; процесс — временный аспект взаимоотношения компонентов и систем — и результат (продукт) — пространственный аспект этого взаимоотношения. В данной схеме реализуются следующие основные принципы. Понятие системы, выделенной для анализа, относительно: с одной стороны, всякий компонент такой системы сам есть качественно своеобразная система нижестоящего структурного уровня; с другой стороны, сама выделенная для анализа система есть компонент системы вышестоящего структурного уровня. Взаимодействие не протекает непосредственно в пределах одного уровня, одной формы: оно опосредствуется переходами в другие формы, так что лишь общая совокупность ряда качественно разнородных превращений дает эффект в пределах одной формы. Любой процесс взаимодействия связан с двоякого рода условиями — продуктами предшествующих взаимодействий, зафиксированных в изменениях компонентов данного взаимодействия. Аналогично любой продукт взаимодействия есть

⁹ Пономарев Я. А. О взаимодействии и развитии. — Докл. АПН РСФСР, 1959, № 1, с. 73—78; *Он же*. Психология творческого мышления, с. 55—67; *Он же*. Психика и интуиция. М.: Политиздат, 1967, с. 133—159; *Он же*. Психология творчества, с. 18—30.

следствие по крайней мере двух процессов, один из которых специфичен для данной, выделенной для анализа системы, а другой — для смежной с ней, т. е. для той, в которую сама выделенная для анализа система включена как компонент.

Функционирование взаимодействующей системы связано с реорганизацией структур ее компонентов путем дифференциации и реинтеграции их элементов: при этом пределы сохранения структуры системы (типа связи ее компонентов) определяют отрезок, занимаемый данной формой в иерархии взаимодействий. Структура компонентов и тип их связи взаимозависимы. Изменение структуры системы сопряжено с изменением типа связи ее компонентов, с переходом к новому типу связи — с развитием.

Развитие — способ существования системы взаимодействующих систем, связанных с образованием качественно новых временных и пространственных структур за счет развивающего (а в других случаях — разрушающего) эффекта взаимодействия, реализующегося через побочные продукты действий. Связи исходной и образующейся структур осуществляются через результаты взаимодействий. Возникая в недрах исходной формы, новая на протяжении своего развития преобразует исходную, постоянно влияет на нее, так что в определенном смысле продукты исходной формы можно и необходимо рассматривать теперь как следствия взаимодействия в новой форме. Преобразования исходных структур продолжаются до тех пор, пока эти трансформированные структуры не приобретают возможность удовлетворять любые «заказы», «запросы», «потребности», связанные с функционированием новой формы. Шкала взаимодействий имеет качественный (структурный) и количественный (длительность процесса взаимодействия) критерии. Перечисленные здесь положения и служат основой построения дальнейшего содержания книги.

Развитие типов психологического знания

Представление о типах психологического знания и их развитии основано на схеме специфического механизма общественно-исторического познания. В свою очередь, данная схема построена путем экстраполяции результатов опытов по изучению психологического механизма поведения на область общественно-исторического познания. Таким путем сконструированы этапы развития специфического механизма общественного познания и их трансформации в структурные уровни организации. Правомерность такого приема показана в «Психологии творчества».

1. Этапы развития специфического механизма психологического познания

В развитии специфического механизма общественного познания нами намечено шесть этапов, соответствующих аналогичным этапам онтогенеза психологического механизма поведения.

Первый этап — появление условий новой формы организации исходной системы, развивающейся затем в единство теории и практики. Этот этап онтогенеза психологического механизма поведения (где действия ребенка могут быть направлены лишь на оригиналы¹⁾) послужил аналогом для реконструкции исходного этапа развития специфического механизма общественно-исторического познания — этапа его предпосылок, становления основы, появления условий новой формы организации исходной системы, развивающейся затем в единство теории и практики. Комплекс этих исходных условий был назван нами прапрактикой.

¹ Термин «оригинал» используется нами в значении категории, противостоящей категории «модель». Оригиналами в таком случае могут выступить любые предметы или явления, в частности и вещи, и люди, но не их модели. Например, если в качестве оригинала берется какая-то вещь или какой-либо человек, то ни та, ни другой не могут быть заменены в этом случае их наглядными изображениями (представлениями, рисунками), словесными описаниями (текстами) и т. п. Однако в качестве оригинала может выступить и то, что в предшествующем случае относилось к категории модели, например, автопортрет, написанный знаменитым художником, становится оригиналом, когда художник-копиист работает над копией данного автопортрета. Однако в таком случае автопортрет не выступает в своей специфической модельной функции.